

Е. И. Мирошниченко

**Иконоборчество византийских императоров VIII века
и его политико-идеологические причины.**

Вопрос о причинах иконоборчества возникал неоднократно, и практически всегда эти причины виделись в области мировоззренческой. Всё дело оставляли философии и богословию. Да, конечно, в церковном богословии было много такого, что несло заряд иконоборчества. Был этот заряд и в философских воззрениях многих отцов церкви. Действительно, первыми возмутились малоазийские епископы. Но ведь гонения начал император. Такой простой факт всегда было трудно принять византологам, большинство из которых подходили к истории иконоборчества исключительно как к истории идей¹. В то время как сами современники событий главный фактор видели как раз в политике императора. Монашество, которое больше всего пострадало, и общество иконопочитателей видели проблему не столько в богословии иконоборцев (которое сформировалось лишь через четверть века после начала гонений), сколько именно в личности и политике императора Льва.

Поэтому мы решили обратить внимание на политико-идеологические истоки иконоборчества, а для этого взглянуть на проблему начала иконоборчества глазами иконопочитателей того времени. Анализ воззрений пострадавших поможет нам приблизиться к главной цели: выяснить истинные причины иконоборчества или их сочетание. Признавая наличие мировоззренческих причин, мы обратимся к идеологическим и политическим причинам иконоборчества.

В нашей работе мы исследуем три возможных идейно-политических влияния на политику императора Льва.

¹ Впервые этот вопрос поднял Яаннопулос: *Yannopoulos P. Aux origins de l'icône: une affaire doctrinale ou une affaire politique? // La spiritualité de l'univers byzantin dans le verbe et l'image. Hommages offerts à Edmond Voordeckers, Instrumenta Patristica 30. Turnhout, 1997. P. 371–389.*

Во-первых, это возможное влияние иудаизма и связанное с этим политическое влияние Хазарии.

Во-вторых, это возможное влияние ислама или исламского мира в целом. Здесь возможно как идеологическое влияние, так и политическое.

В-третьих, это влияние определённой концепции государственной власти, а именно влияние идеи сакральности императорской власти.

В источниках приводится рассказ о некоем иудее, который пришёл к Йазиду II и пообещал ему 40 лет благополучного правления, если тот уничтожит иконопочитание на подвластной ему территории¹. В современной историографии Византии принято воспринимать этот рассказ критически². Однако само его появление свидетельствует, на наш взгляд, о многом.

В то время Византия находилась в очень непростой ситуации. Арабы в 717 г. были уже под стенами Константинополя, и только суровая зима спасла византийцев. В 726 г. арабы заняли Кесарию Каппадокийскую и даже осадили Никею. В такой ситуации, как писал Сюзюмов³, «естественным союзником» ромеев стал Хазарский каганат. Но что такое Хазарский каганат в то время?

Как известно, уже в начале VIII в. Византия устанавливает очень тесные взаимоотношения с Хазарией. Бежавший из Херсонеса ссыльный император Юстиниан II находит себе прибежище в Хазарии и женится на дочери кагана. Впрочем, это не помешало позднее воевать с хазарами за Херсонес⁴. Однако после убийства Юстиниана стало ясно, что Хазарии и Византии суждено стать союзниками. Союзнические отношения завязались за 12 лет до первого иконоборческого указа и продолжались практически весь период раннего иконоборчества.

В 729 г. из Константинополя в Хазарию отправляется посольство. В 732 г. союзные отношения закреплены династическим браком. И именно благодаря хазарам византийцы смогли одержать ряд побед над арабами и значительно укрепить

¹ См.: *Φεοφανους Χρονογραφια* // TLG 4046-001. P. 410. Рус. перевод с некоторыми исправлениями дан: Летопись византийца Феофана. В пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского. М., 1884. С. 293–294.

² *Beck H.-G. Greek Church in the Epoch of Iconoclasm* // *Handbook of Church History*. Vol. 4. N. Y., 1969. P. 27.

³ *Сюзюмов М. Я. Первый период иконоборчества* // *История Византии*. Т. 2. М., 1967. С. 50.

⁴ *Плетнёва С. А. Хазары*. М., 1976. С. 23.

пить свои границы. После победы при Акроине и сама Хазария в лице Византии обрела себе выгодного союзника. К этому времени арабы были уже на территории каганата и даже заставили хазар принять ислам. В 740 г. арабы вынуждены были отменить свои постановления на территории Хазарского каганата. Союзные отношения с Хазарией поддерживались весь VIII в. Немалую роль в этом сыграл вышеупомянутый династический брак: сын императора Константин (который сам будет императором с 741 по 775 г.) женился на дочери хазарского кагана.

Τούτω τῷ ἔτει Λέων ὁ βασιλεὺς τὴν θυγατέρα Χαγάνου, τοῦ τῶν Σκυθῶν δυνάστου, τῷ υἱῷ Κωνσταντίνῳ ἐνυμφεύσατο, ποιήσας αὐτὴν Χριστιανὴν καὶ ὀνομάσας αὐτὴν Εἰρήνην. ἥτις ἐκμαθοῦσα τὰ ἱερὰ γράμματα διέπρεπεν ἐν εὐσεβείᾳ τὴν τούτων δυσσεβείαν ἐλέγχουσα ¹.

В том же году [732 г.] царь Леон сговорил дочь хагана, скифского владетеля, за сына своего Константина, обративши ее в христианскую веру, назвал Ириною. Она, научившись божественным писаниям, украшалась благочестием, и *обличала их нечестие* [т. е. императоров-иконоборцев Льва и самого Константина. – Е. М.].

Лучший специалист по истории хазарского иудаизма Д. Данлоп считает, что Ирина вполне могла ознакомиться с Ветхим Заветом на древнееврейском языке, который она, возможно, изучила, будучи в Хазарии. На этом косвенном свидетельстве основывается утверждение Данлопа о распространении иудаизма у хазар уже ко времени женитьбы Константина V на Ирине ². Но повлияли ли как-то политические отношения с Хазарией на начало иконоборчества?

Если мы предположим, что иудаизм в Хазарии того времени всё же получил достаточное распространение, то мы не найдём никаких поводов отменять иконопочитание в угоду хазарам. Тем более что сама Ирина была не против иконо-

¹ *Φεοφανους* Χρονογραφία // TLG 4046-001. P. 410.

² *Dunlop D. M.* The History of Jewish Khazars. Princeton, 1954. P. 177–178.

почитания, и даже «обличала нечестие» Льва и Константина. Основной же аргумент против влияния хазарского иудаизма заключается в том, что в то время в Хазарии иудаизм был практически не распространён, во всяком случае, каганы VIII в. не были иудеями¹. Большинство же исследователей сходятся на том, что во времена Льва в Хазарии в качестве общепринятой религии был распространён культ бога Тенгри-хана².

Это был своего рода бог-герой, но в проекции на кагана он давал очень интересные результаты. Плетнёва замечает, что данный культ, в отличие от иудейского, был более выгоден кагану, поскольку укреплял его власть как представителя Тенгри на земле, как его живое воплощение³. Обычно этот момент упускают, а ведь подобная концепция могла стать стимулом для возрождения идеи священного статуса римского императора, а тот, в свою очередь, мог повлиять на иконоборчество (о чём будет сказано позже). У нас нет достаточных доказательств того, что эта идея могла возродиться под непосредственным влиянием Хазарии, но есть существенный аргумент: со времён налаживания политических отношений с Хазарией существенно меняется образ императора в византийском искусстве⁴. Нечто подобное произошло на Руси с образом великого князя под влиянием Золотой Орды⁵.

¹ Плетнёва С. А. Хазары. С. 34.

² Степанов Ц. Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар в раннем Средневековье // Хазары. Второй Международный коллоквиум: Тезисы. М., 2002. С. 91. См. также: Безертинов Р. Н. Тенгрианство – религия тюрков и монголов. Набережные челны, 2000; Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 77–78; Талашов М. В. Наследие древних тюрков в Хазарии: миф или реальность // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1–2. С. 38.

³ Там же. Обратим внимание на связь учения о Тенгри-хане с китайской доктриной неба («тянь»), отмечаемую некоторыми учёными (см.: Неклюдова С. Ю. Тенгри // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 500–501). Тенгри (как и Небо) даёт мандат на власть правителю, причём власть неограниченную, божественную.

⁴ См. об этом: Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin. P., 1936. P. 12–23.

⁵ Религиозная история Хазарии довольно сложная и запутанная. Однако можно обозначить ещё одну сторону проблемы хазарского влияния на византийское иконоборчество. Как известно, ещё в 80-е гг. VII в. некоторая часть хазар была обращена в христианство, идолы разрушены, а культ Тенгри-хана под влиянием новообращённых в основной языческой массе слился с другим почитаемым тюркским божеством

Итак, если влияние Хазарии на иконоборческую политику императоров и было, то не через иудаизм, а через концепцию кагана как наместника Тенгри-хана.

Вопрос о влиянии ислама очень сложный, и давно дискутируется в литературе¹. В своё время о. Иоанн Мейендорф обозначил ислам как один из трёх элементов, обнаруживающихся в византийском иконоборчестве. По мнению о. Иоанна, византийские императоры VIII в. «решили очистить христианство затем, чтобы оно лучше выдерживало вызов ислама». Впрочем, далее он оговаривается, что исламское влияние «было частью холодной войны против ислама, но, ни в коей мере не сознательным ему подражанием»².

В целом аргументы тех исследователей, которые видят, в согласии с мнением иконопочитателей, причину иконоборческой политики императоров во влиянии ислама, можно вслед за В. А. Барановым свести к следующим:

1) иконоборческие императоры происходили из пограничной арабо-византийской зоны;

Куара. См. *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. И сам по себе довольно простой, лишённый иконичности, культ Тенгри с конца VII в. приобретает черты Единого Бога. Поэтому, вероятно, хазары спокойно приняли ислам, а в середине VIII в. – иудаизм. Поэтому тенгрианство могло определённым образом повлиять и на иконоборчество в Византии.

¹ Большинство исследователей работают в парадигме истории идей и поэтому не могут и не хотят признать возможность политического влияния ислама. См., например, следующие, наиболее показательные работы на эту тему: *Grabar O.* Islam and Iconoclasm // Iconoclasm, Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975. Birmingham, 1977. P. 45–52; *Gero S.* Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III with Particular Attention to the Oriental Sources. Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Sub. 41. Louvain, 1973. P. 60–74, 193–198; *Crone P.* Islam, Judeo-Christianity and Byzantine Iconoclasm // Jerusalem Studies in Arabic and Islam 2 (1980). P. 59–95; *Griffith S.* Images, Islam and Christian Icons: a Moment in the Christian/Moslem Encounter in Early Islamic Times // La Syrie de Byzance à l'islam VII-e – VIII-e siècles. Actes du Colloque International de l'Orient Méditerranéen. Paris-Institut du Monde Arabe 11–16 Sept. 1990, eds. O.Canivet, J. P. Rey-Coquais. Damask; Paris, 1992. P. 119–131.

² *Мейендорф И.*, прот. Византийское богословие. Исторические направления и вероучение. М., 2001. С. 81.

2) мусульманское иконоборчество Йазиды II и первые иконоборческие меры Льва III имеют явную связь, во всяком случае происходят хронологически почти одновременно;

3) «традиционность», т. е. традиция следовать самим иконопочитателям в определении причин иконоборческих гонений¹.

В данном случае нас не интересует прямое идеологическое влияние ислама (на концепцию иконоборцев), которое, несомненно, было². Нас интересует возможность политического или, если угодно, стилистического влияния иконоборческой тенденции в Омейядском государстве на политику Льва III и Константина V.

Действительно, императоры-иконоборцы происходили из зоны особого влияния мусульманской культуры. Но не только мусульманской, также и сирийской и армянской, в которых были весьма сильны антииконические настроения. На основании сохранившихся источников сложно сказать, насколько этот факт мог повлиять на иконоборческую политику императоров, но судя по особому влиянию при императоре некоего сирийца Висира (Бэсера, или Бэшира)³, мы можем заключить о значимости данного факта.

Феофан Исповедник не просто сообщает о влиянии Висира, но связывает это влияние с влиянием арабской культуры в целом. Сообщив о том, что иудей из Лаодикеи заставил Йазиду уничтожить иконы во всех церквях, находящихся на его территории, Феофан пишет:

Μεταλαβὼν δὲ ταύτης τῆς πικρᾶς καὶ ἀθεμίτου
κακοδοξίας Λέων ὁ βασιλεὺς πολλῶν κακῶν ἡμῖν αἴτιος
γέγονεν. Εὐρῶν δὲ ὁμόφρονα τῆς ἀπαιδευσίας ταύτης Βησῆρ
τινα τοῦνομα, γενόμενον μὲν ἀπὸ Χριστιανῶν αἰχμάλωτον
ἐν Συρίᾳ, ἀποστάντα δὲ τῆς εἰς Χριστὸν πίστεως καὶ
ποιωθέντα τοῖς Ἀράβων δόγμασιν, οὐ πρὸ πολλοῦ δὲ
χρόνου πελευθερωθέντα τῆς ἐκείνων δουλείας καὶ

¹ Баранов В. А. О некоторых идеологических аспектах византийского иконоборчества // Τεχνη γραμματικη (Искусство грамматики). Новосибирск. 2006. Вып. 2. С. 92.

² См., например, выдержанную аргументацию в работе: Hauszig H. W. A History of Byzantine Civilization. N. Y., 1971. P. 213.

³ См., Gero S., Miller L. Bashir/Beser: Boon Companion of the Byzantine Emperor Leo III; the Islamic Recension of His Story in Leiden Oriental MS 951(2) // Le Museon 103. 3–4 (1990). P. 293–327.

καταλάβοντα τὴν Ῥωμαίων πολιτείαν· διὰ ῥώμην δὲ σώματος καὶ ὁμόνοιαν τῆς κακοδοξίας ἐτιμήθη παρὰ τοῦ αὐτοῦ Λέοντος· ὅστις καὶ συνασπιστὴς τοῦ μεγάλου κακοῦ τούτου γέγονε τῷ βασιλεῖ. Συνεφρόνει δὲ κακῶς αὐτῷ καὶ ὁ πάσης ἀκαθαρσίας ἀνάπλευς καὶ συντρόφω ἀπαιδευσίᾳ συζῶν Νακωλείας ὁ ἐπίσκοπος¹.

«Но царь Леон, принявши это незаконное и горькое злоучение, причинил нам премного несчастий, *нашедши единомысленного себе в этом невежестве некоего Висира, родившегося от христиан в Сирии, отложившегося от веры во Христа, напоенного учением аравитян, и незадолго пред тем освободившегося от рабства и пришедшего в Римское царство; но по телесной крепости и по сходству замыслия он был в великом почтении у царя Леона и служил ему соучастником в сем великом зле.* Также епископ Наколейский, человек исполненный всякой нечистоты, в невежестве живший, разделял с царем его нечестие».

В этом показательном тексте Феофан сообщает, что Висир был «напоен учением арабов» и был «соучастником» (συνασπιστῆς) иконоборческой политики императора. Также в соучастники Феофан приписывает Константина, епископа Наколейского (родом из Фригии). Получается некий кружок единомышленников, вдохновлённых иконоборческими идеями и проводящими эти идеи в жизнь.

В другом месте Феофан замечает, что император, «толкуя в свою пользу гнев Божий, воздвигнул самую бесстыдную войну против святых и досточтимых икон, *пользуясь советами и содействием богоотступника Висира, поверенным своего нечестия. Оба они исполнены были невежества и ничему не учились, от чего и родятся все беды*» (ἀμφοῦ γὰρ ἀπαιδευσίας ἦσαν ἔμπλεοι καὶ πάσης ἀμαθίας, ἐξ ἧς τὰ πολλὰ τῶν κακῶν ἔρχεται)². Сложно сказать, что подразумевал Феофан под словами «ничему не учились». Имеется ли здесь ввиду, что Льва ничему не научили природные бедствия, которые Феофан описывал перед этим, либо необразованность Льва как тако-

¹ Φεοφανοῦς Χρονογραφία // TLG 4046-001. Ρ. 401–402.

² Там же.

вая (Лев был солдафоном, и никакого образования, действительно, не получил).

Можно было бы предположить, что Висир имел сильное влияние на василевса, и тогда вся проблема заключается в том, каких взглядов придерживался Висир. Геро, например, считает, что если какое-то арабское влияние на императора и было, то через Висира ¹. К сожалению, мы знаем слишком мало о его взглядах, но и того что знаем, вполне достаточно, чтобы признать возможность влияния посредством его некоторых элементов арабской, в том числе исламской культуры.

Другой аргумент в пользу влияния исламской цивилизации связан с указом Йазида II относительно икон. Мы упомянули концепцию о. Иоанн Мейендорфа, который считал, что исламский мир спровоцировал византийское иконоборчество как бы «от противного». При некотором приближении мы можем обнаружить, что иконоборческий, «очистительный» порыв охватывает не только Византию, но и страны исламской цивилизации.

Особой традиции иконоборчества до этого в халифате, видимо, не существовало ², однако отдельные элементы иконоборчества в конце VII – начале VIII в. отмечаются историками. Так, например, в 90-х гг. VII в. Абд-аль Малик провёл реформу монетной системы, в результате которой с золотых и серебряных монет исчезло изображение правителя, а вместо него появились неиконические узоры ³. Есть также предание, что тот же иудей, что пришёл к Йазиду, спровоцировал гонения и в Византии, т.е. явился неким связующим звеном между арабским иконоборчеством и византийским ⁴. Видеть

¹ *Gero S., Miller L. Bashir/Beser: Boon Companion of the Byzantine Emperor Leo III; the Islamic Recension of His Story in Leiden Oriental MS 951(2) // Le Museon 103. 3–4 (1990). P. 295–296.*

² Под «иконаборчеством» в исламе понимается отрицательное отношение к изображению священных лиц, таких как Бог (Аллах), пророк (Мухаммед), правитель (халиф, эмир и т. д.). Ислам строго относился и пресекал все попытки внести иконичность в культовое искусство. С этих позиций мусульмане, естественно, критиковали христиан. См.: *Griffith S. Images, Islam and Christian Icons...* P. 120.

³ *Grabar O. The Formation of Islamic Art. L., 1987. P. 90–91.*

⁴ *Georgius Monachus // Textus byzantinos ad iconomachiam pertinentes. Leiden, 1969. P. 18.* Эта же мысль получила развитие в художественной литературе (например, в романе прот. Н. Агафонова «Иоанн Дамаскин»).

врага в иудеях – довольно характерная черта византийского народного сознания того времени¹. Весь вопрос в реальном их участии в описываемых событиях. Мы, конечно, можем не верить этим сообщениям источника, принимать их просто за ругательства. Действительно, Стефан Геро на обильном материале показал, что иконоборческий указ Йазиды скорее всего никак не связан с иудейским влиянием².

Вслед за Геро отрицает влияние иконоборчества Омейядов на византийских императоров и В. А. Баранов: «Если задаться вопросом, было ли время для подобного влияния, ответ будет определён отрицательным, поскольку едва ли первый иконоборческий император Лев III решил бы провозгласить иконоборчество, если бы он был уверен, что такая политика была бы яростно отвергнута всем населением империи»³. Однако такого рода аргументация вовсе не выглядит убедительной. Во-первых, между указами Йазиды II и Льва III прошло пять-шесть лет⁴. Во-вторых, уже после столкновения у Халкопратийских ворот императору вполне должен был стать очевидным факт «яростного отвержения» народом его политики⁵. Тем не менее, он продолжает ту же политику. Во всяком случае вопрос о времени исламского влияния никак не связан с предусмотрительностью императора. Этот вопрос, видимо, вообще лежит в другой плоскости.

Так или иначе, факты на лицо, и есть достаточные основания считать, что какая-то связь между исламским иконоборчеством с иконоборчеством византийским всё же существовала. Это могло быть не прямое влияние, а косвенное, через иудея, о

¹ См. на эту тему интересную статью: *Евсеевко Н.* Образ иконоборца как еврея в иконоборческих спорах // <http://www.jcrelations.net/ru/?item=2394> (Дата: 02.08.09).

² *Gero S.* Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III with Particular Attention to the Oriental Sources. *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. Sub. 41. Louvain, 1973. P. 60–74, 193–198.

³ *Баранов В. А.* О некоторых идеологических аспектах византийского иконоборчества... С. 102.

⁴ *Vasiliev A. A.* The Iconoclastic Edict of caliph Yezid II A. D. 721 // *Dumbarton Oaks Papers* 9 (1955). P. 45–46.

⁵ См.: *Schwarzlose K.* Der Bilderstreit: Ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Amsterdam, 1970; *Reprint of Gotha*: F. A. Perthes, 1890. S. 77–78.

котором говорит Феофан, либо через Висира. Кроме того, это могла быть зависимость «от противоположного»: Лев III просто последовал духу времени, видя в этом залог политического успеха.

Наконец, посмотрим, как рассматривали истоки иконоборцев сами иконопочитатели, которые видели в них проводников арабской культуры. Может быть, их позиция покажет нам, было ли это простое ругательство, оскорбление, как считал Болотов¹, или же это было свидетельство современников о вполне реальном влиянии.

Если мы обратимся к источникам того времени, то обнаружим, что в глазах иконопочитателей именно арабы явились «главными учителями» иконоборческих императоров.

Так, например, в актах Седьмого Вселенского Собора иконоборцы связываются не только с иудеями, докетами, арианами, оригенистами, монофизитами, но и с мусульманами².

Действительно, сами иконопочитатели вполне однозначно свидетельствовали о влиянии арабской цивилизации.

Говоря о том, что император Лев начал гонения на иконы, Феофан в своей Хронографии отмечает: «а истребителем всех этих изыществ был Леон, усвоивший себе мнения сарацин» (ἦς καὶ μετὰ ἄλλων πολλῶν καλῶν καθαιρέτης ὁ σαρακηνόφρων οὗτος Λέων γέγονεν)³.

В то же время, продолжает Феофан, «нечестивый не только обманывался в относительном поклонении досточтимым иконам, но и в заступлении пресвятой Богородицы и всех святых; проклятый ругался над мощами их, как делают учителя его аравитяне» (οὐ μόνον γὰρ περὶ τὴν σχετικὴν τῶν σεπτῶν εἰκόνων ὁ δυσσεβῆς ἐσφάλλετο προσκύνησιν, ἀλλὰ καὶ περὶ τῶν πρεσβειῶν τῆς πανάγνου θεοτόκου καὶ πάντων τῶν ἁγίων καὶ τὰ λείψανα αὐτῶν ὁ παμίμαρος, ὡς οἱ διδάσκαλοι αὐτοῦ Ἰσραβες, ἐβδελύττετο)⁴.

В другом месте Феофан пишет о том, как озлобился император, когда узнал, что папа отложил Рим и Италию от Византии (по причине иконоборчества):

«... послал против них сильно вооруженный флот, над ко-

¹ Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. М., 1994. Т. 4. История церкви в период Вселенских Соборов. С. 508.

² Деяния Вселенских Соборов. СПб., 1996. Т. 4. С. 490–510.

³ Феофановус Χρονογραφία // TLG 4046-001. Ρ. 410.

⁴ Там же.

торым поставил начальником Манеса, главу Кивирриатов. Но пустой человек постыдился, и флот его потонул в Адриатическом море. Тогда богопротивник еще более бесновался и, следуя аравийскому образу мыслей (Ἀραβικῶ τε φρονήματι κρατυνόμενος), наложил поголовные подати на третью часть народа Калабрии и Сицилии. Наследственные же так называемые дани от святых, первопрестольных апостолов в Древнем Риме, простиравшиеся до трех талантов с половиною золота, приказал считать в казне; также приказал под строгим присмотром вписывать новорождающихся младенцев мужского пола, как некогда делал Фараон с младенцами еврейскими; но и *самые учителя его аравитяне* (οἱ διδάσκαλοι αὐτοῦ ἸΑραβες) не поступали так с восточными христианами»¹.

Итак, современник событий видел одну из причин иконоборчества византийских императоров Льва и Константина в арабском влиянии. Это тем более вероятно, что арабы в случае взаимной вражды двух претендентов на византийский престол часто оказывались не врагами, а друзьями того или иного претендента. Так произошло во время знаменитого конфликта Константина Копронима и Артавазда. Как сообщает Феофан, к Валиду, сыну Исама (который был наследником Йазида), и Константин, и Артавазд отправили послов просить помощи².

Иногда же арабы использовали внутривизантийские конфликты в своих целях, как это случилось несколько раньше того, как к власти пришёл Валид³. В любом случае иконоборчество и вызываемая им конфликтная ситуация явно была на руку арабам.

Наконец, третьим истоком иконоборческой политики византийских императоров может являться специфическое представление о власти василевса.

Император в ранней Византии всегда был только мирянином. Это неоднократно подчёркивалось ритуалом и всей идеологией византийской государственности. Едва ли можно утверждать, что в Византии деспотизм был в порядке вещей. К это-

¹ *Φεοφανους* Χρονογραφία // TLG 4046-001. P. 410.

² Там же. P. 416.

³ Там же. P. 415.

му сегодня склоняется большинство исследователей¹. С приходом к власти Льва Исавра идея симфонии отодвигается на второй план. И вот, в ответ на обличительное письмо папы Григория II император Лев пишет: «Я василевс и вместе с тем иерей» (ὅτι βασιλεὺς καὶ ἱερεὺς εἶμι)². Подобная претензия звучит как нонсенс для христианского Востока. Даже во времена Юстиниана Великого такие слова не могли слететь с уст императора. Как пишет один из современных авторов, «Лев III ощущал себя религиозным реформатором, очищающим Церковь и <...> мессианской фигурой, своего рода “исправленным изданием” основателя предыдущей династии, Ираклия»³.

Мы не будем углубляться в механизм подобной трансформации представлений о государственной власти в Византии. Для нас важно отметить тот факт, что именно во времена династии Исавров происходит поворот к централизации, к усилению власти императора. Одним из показателей этого является знаменитая «Эклога». Напомним, что со времён Юстиниана не было издано ни одного законодательного сборника. «Эклога» появляется при императоре Льве примерно за год до первого иконоборческого указа. В самой «Эклоге» о иконоборчестве нет ни слова, но она прекрасно иллюстрирует общий централизаторский настрой государства.

Вторым показателем такого настроения являлось отношение императоров-иконоборцев к монашеству.

Очень часто оказывалось, что иконоборчество перерастало в монахоборчество. Многие исследователи видели причину этого в том, что монашество являлось основным защитником иконопочитания⁴. Но вместе с тем надо понимать, что монашество было тогда в Византии единственной силой, неподкон-

¹ Новиков А. А. О характере политической власти в ранней Византии (IV–VI вв.): историографический обзор // Правоведение. 1996. № 3. С. 175–183.

² Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae; Venetiae, 1759–1769. Vol. 12. 970 s.

³ Лурье В. М., Баранов В. А. История византийской философии. СПб., 2006. С. 416.

⁴ Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII в. СПб., 2003. С. 59.

трольной государству. Именно монашество как сословие стояло на пути централизаторской политики императора¹.

Поэтому уже с середины VIII в. гонения обрушились на монахов. Их ссылали, изгоняли из монастырей, насильно женили. Так, например, император Константин заставил поставленного им патриарха Константина «повенчаться из монашества, есть мясо и присутствовать за царским столом при песнях и плясках»² (καὶ τοῦτον παραυτὰ στεφανίτην ἀντὶ μοναχοῦ ἔπεισε γενέσθαι καὶ κρεῶν μεταλαμβάνειν καὶ κιθαρῳδῶν ἀνέχεσθαι ἐν τῇ βασιλικῇ τραπέζῃ)³.

Самих монахов император Константин выгонял на ипподром, заставлял их вести женщин за руку, как будто они не монахи, а светские люди, и приказал народу плевать и всячески оскорблять иноков⁴. Позднее он взялся и за монастыри. Многие из них он «обратил в сборные дома для единомышленных своих воинов», другие «приказал срыть до основания». Кроме того, он казнил тех из знатных, кто после распутной жизни при дворце обращался к монашеской жизни⁵.

Около 770 г. стратиг Фракийской фемы Лаходракон заставил насильно повенчаться монахов и монахинь в Эфесе. Если те не соглашались, то подвергались издевательствам, ослеплению и ссылке⁶. Тот же стратиг проявил себя ещё более жестоко, устроив настоящие гонения во Фракии. Сжигались монастыри, монастырское имущество продавалось, а деньги присылались императору Константину. Монашеские книги, иконы и мощи святых уничтожались. Монахи подвергались унижениям и смерти. Причём гонения были столь сильные, что, по сообщению Феофана, Лаходракон «наконец в области своей не оставил никого, кто бы носил монашеское платье».

Показательна и реакция самого императора на деятельность стратига. «Ненавистник добрых, узнавши об этом изъявил ему свое высочайшее благоволение в таких словах: я на-

¹ Так К. Н. Успенский видит одно из объяснений иконоборчества в столкновении византийского правительства и «монастырского феодализма». См.: Успенский К. Н. Очерки по истории Византии. Ч. 1. М., 1917. С. 209–265.

² Т.е. делать именно то, что монаху запрещалось делать.

³ Φεοφάνους Χρονογραφία // TLG 4046-001. P.437–438.

⁴ Там же.

⁵ Там же. P. 443.

⁶ Там же. P. 445.

шел в тебе мужа по сердцу моему; ты исполняешь все желания мои. В подражание ему и прочие тоже делали» (ὁ καὶ μαθὼν ὁ μισάγαθος βασιλεὺς ἔγραψεν αὐτῷ εὐχαριστίας λέγων, ὅτι «εὐρόν σε ἄνδρα κατὰ τὴν καρδίαν μου, ὃς ποιεῖς πάντα τὰ θελήματά μου». Τοῦτον οὖν μισησάμενοι καὶ οἱ λοιποὶ τὰ ὅμοια διεπράττοντο) ¹. Трудно сказать, действительно ли Константин сказал подобные слова, но, очевидно, в сознании византийцев того времени Константин был вполне согласен с действиями Лаходракона. Во всяком случае, подводя итог жизни Константина, летописец ставит в упрёк императору в том числе и «истребление монахов и уничтожение монастырей» ².

Таким образом, обзрев весь комплекс политико-идеологических причин иконоборчества, мы можем утверждать следующее.

Иконоборчество, несомненно, имело свои мировоззренческие истоки. Но проведение его на государственном уровне зависело исключительно от государственной власти. На наш взгляд, император начал иконоборчество по вполне политическим причинам, а не по мировоззренческим. Позднее он воспользовался церковными волнениями в Малой Азии и встал на сторону иконоборческих епископов.

Во-первых, отношения с Хазарией вполне могли повлиять на решение Льва начать борьбу с иконопочитанием. Вряд ли это сугубо политическое решение. Тут могло быть и личное восприятие Льва, самого происходившего с Востока. Однако, поскольку иудаизм в Хазарии тогда не занимал главенствующие позиции, мы не можем говорить об иудейском влиянии через Хазарский каганат. Тем не менее мы можем предположить косвенное влияние на иконоборчество культа Тенгри-хана.

Во-вторых, в начале иконоборческой политики сыграло роль давление арабской культуры. Это давление сегодня историки склонны отрицать, но достаточных аргументов для этого нет. Иконоборчество началось в Малой Азии, где было много выходцев из Сирии, напрямую соприкасавшихся с мусульманской цивилизацией. В той же Сирии зрели различные иконоборческие ереси, распространённые в Армении, где был второй конфликтный источник. Один из приближённых императора, его

¹ Φεοφανους Χρονογραφια // TLG 4046-001. Ρ. 446.

² Там же. Ρ. 448.

ближайший советник Висир происходил из Сирии и, по свидетельству современников, явился проводником иконоборческих идей при дворе. Очевидно, что заигрывать перед исламом в сложившейся ситуации вряд ли было выгодно императору. Скорее всего он просто планировал уменьшить конфликтность ситуации в двух вышеупомянутых регионах в целях упрочения своей власти (к этой же цели был направлен династический брак с дочерью хазарского кагана).

В-третьих, определённую роль сыграла централизаторская политика императора. Основной костяк иконопочитателей – монашество, представлявшее к тому времени мощное движение, оставалось единственным свободным сословием и с трудом подвергалось централизации. В такой ситуации началось гонение на монахов. Иконоборчество явилось в этом контексте борьбой с монашеской традицией.

Очевидно, что длительность иконоборческих споров не могла быть вызвана одним политическим влиянием. Конечно, была определённая антииконическая система взглядов, которая питала иконоборцев. Но в целом мы видим, что именно политический фактор обеспечил активность иконоборцев (напомним, что после собора 843 г. большинство епископов, уже не испытывая политического давления, свободно отреклись от своих иконоборческих взглядов).

В целом, как нам кажется, причины иконоборчества как сложного исторического феномена следует искать, конечно, не в социально-политических тенденциях самих по себе, как и не в одних мировоззренческих и культурно-религиозных традициях того времени, но в определённом взаимодействии тех и других.